

то песню-быль, а о чем она будет — сам поймешь!" (...) и задумчиво начал речь, поддающуюся лишь приблизительной передаче:

„Уж солнце село зарею алой меж гор далеких в венцах кровавых“.

„Спускалась ночка темна на землю и город черный тонул в тумане“ [5, с. 10].

Источник подражания определяется совсем не «приблизительно», особенно когда герой-беглец начинает трагические речи: «Проклятье жизни! Мы дрались львами за счастье братьев, за солнце правды! Но враг жестокий . . .» — и т. д. [5, с. 11].

Другое «стихотворение в прозе» у Нагорного начинается такой же «мнимой прозой» 2Я (здесь и далее силлабо-тонические метры обозначаются сокращенно с указанием стопности), но в пределах второго предложения она переходит в обычную прозу [5, с. 19], которая лишь в одном месте дает «намеки» на дольниковую метризацию [5, с. 27]. Маленькое третье «стихотворение» полностью прозаично.

В сборнике же М. С. Налина «Сирень цвела. . .» (Томск, 1910), составленном из неозаглавленных лирических миниатюр в прозе, есть одна, испытывавшая влияние сюжета и образности «Песни о Соколе», но не ее внешней формы. Раненный людьми сокол улетает повыше на утес, чтобы умереть не на глазах презираемых им бескрылых существ. Они оказываются в положении Ужа: «А внизу стоят люди и ждут, скоро ли упадет смертельно раненый сокол». И после пробела заключение: «Не видать людям смерти сокола!» [6, с. 29]. В сборнике есть миниатюры с очень небольшими элементами дольниковой метризации [6, с. 31, 34, 41, 42, 71] и совсем чуть-чуть — двусложниковой [6, с. 53], но «мнимой прозы» нет.

В 1902 г. в Петербурге вышло издание студентов-технологов — 16-страничная анонимная книжечка «Разрушенный мол» с прозрачной аллегорией революции: морские волны в долгой и трудной борьбе сокрушали воздвигнутое злым человеком-тираном и сковывающее их препятствие и, когда после гибели многих волн сомневавшиеся «старые волны» помогли «блудым», сокрушили. Кроме обрамления с рассказчиком, близким автору (слушателем), и вторым рассказчиком — старым моряком, который и излагает в лодке предание моряков о борьбе моря с наваленными в него скалами, вся вещь написана трехсложниково-дольниковой прозой с несколькими ситуативными рифмами. Автором сочинения был один из организаторов и лидеров эсеров, глава «боевой организации», известный террорист Г. А. Гершуни (1870—1908). Но в том же 1902 г. его произведения было напечатано в Москве, в типографии Бутырцева с именем М. Горького на обложке. В 1905 г. последовало снова анонимное издание в Ростове-на Дону, а в 1906 — в Берлине, в серии «Запрещенные очерки», с подзаголовком «Баллада» и вновь с именем «М. Горький» перед заглавием. Умеренная художественность «баллады» делала этот подарок Горькому сомнительным; но сам факт подтверждал как его революционно-агитаторский авторитет, так и соотнесенность метризации без разбивки на стихи прежде всего с его именем. Обрамление и «морские» аллегории — от обеих «Песен» Горького, слова «Плакало море. . .» [7, с. 4] напоминают о «Мальве». Форма же метризации не горьковская. Лишь в одном месте, даже не обособленном в отдельный абзац, идут подряд восемь колонов 3 Амф с женскими окончаниями (впрочем, один из них не Амф, а Д): «Оставьте вы тесные горы, в море скорее летите, сорвите позорные цепи. . .» [7, с. 4—5], — что фактически делает метризованную прозу «мнимой прозой», завуалированными стихами, как у Горького. Но размеры совсем другие. Затянутый трехсложник, видимо, должен был непосредственно изображать натиск и напряжение волн, кидających на препятствие стая за стаей.

Текст разбит на небольшие абзацы; для случаев без метризации существует термин «версэ» — абзацы отдаленно напоминают стихи, но все-таки длинноваты для них [8, с. 50—54]. У Гершуни есть абзацы в 1—2 икта, но есть и сравнительно крупные: три самые большие — в 35, 38 (с «мнимой прозой») и 43 икта. Всего в основной части «баллады», включая короткое метризованное заключение во